

Annotation

Хан гизов подговаривает Конана похитить любимую наложницу хана хиршай Бро Иутина. Однако узнавший об этом Бро Иутин предлагает в распоряжение киммерийца всех своих наложниц — Конан будет подвергнут казни, если не сумеет в течение ночи овладеть двумя десятками женщин. Таким образом хан заботится об улучшении крови своего племени.

- [Михаил Ахманов](#)

◦

Михаил Ахманов

Наложницы Бро Иутина

(под псевдонимом Майкл Мэнсон)

Во имя Митры, великого, животворящего, справедливого!

К югу от великих заморанских городов Шадизара и Аренджуна, к северу от туранской провинции Замбулы, к востоку от богатого Кофа и древнего Шема лежит маленькая страна под названием Хаурен. В державе сей, кроме столицы, называемой тоже Хаурен, нет других городов; и правит ею королева Тарамис, добродетельная и прекрасная, милосердная и справедливая, почитающая светлого Митру, Подателя Жизни. Впрочем, несмотря на достоинства владычицы Тарамис, ее несомненную красоту и благочестие, речь в этой истории пойдет не о ней.

Местности в Хаурене и окрест него все больше равнинные и сухие, до ближайших гор Карпашских на западе и хребта Ильбарс на юго-востоке скакать не один день. По правде говоря, незавидное местечко этот Хаурен; большая, западная часть его поглощена пустыней и, если не считать верховьев полноводной реки, текущей в море Вилайет, плодородных земель здесь немного. В этих землях и расположен град прекрасной Тарамис, ее столица; там живут мирные ее поданные, там снимают по три урожая в год; к закату же от сей зеленої речной долины простираются солончаки да пески, в коих между Шемом и Туроном кочуют разбойники-зуагиры.

Но, как и эти бандиты, пустыня не ведает границ. Начинается она у Замбулы, и тут вид ее тут угрем и страшен: раскаленные на солнце камни, жаркие барханы, засыпанные мелким колючим щебнем пространства, где не водятся даже ящерицы и змеи. Затем пустыня переползает в Хаурен и восточную часть Шема, родину безбожных грабителей зуагиров, обретая здесь не столь дикий облик, как на юге. В шемитских и хауренских пределах чуть прохладнее и влажней, барханы тут обрастают сухим колючим кустарником, а кое-где, в низинах, желтеют кустики травы. Наконец, перешагнув рубежи Кофа и Заморы, пустыня превращается в засушливую степь, вполне подходящую для быстроногих сайгаков, коз, шакалов и диких ослов. Надо отметить, что ослы, уродившиеся в этих суровых местах, отличаются особым упрямством и боевым нравом, но, кроме того, они на удивление выносливы и сильны. Вот почему люди, не менее упорные, чем ослы, издревле отлавливали их, приручали, холили и берегли, дабы продать в нужное время с выгодой в Шадизар либо Аренджун, в Хоршемиш, столицы Кофа, в Замбулу, Самарру и в другие туранские города. Постепенно диких ослов становилось все меньше, а приученных и покорных человеку все больше, пока наконец степь меж Хауреном и Заморой не превратилась в одно огромное пастбище. И поделили его пастухи различных кочевых племен, воинственные и задиристые молодцы, коих даже зуагирам не давалось одолеть; тут, как говорится, нашла коса на камень, а сабля на топор.

Пастухи-номады, повелители ослов, обитали вокруг некой неопределенной точки, где сходились границы четырех держав - Заморы и Турана, Хаурена и Кофа. Никто не мог в точности сказать, где именно проходят рубежи, отделявшие одну страну от другой, и в силу этого кочевники, пользуясь столь удобной и выгодной ситуацией, не желали подчиняться и не подчинялись никому. Вдобавок, по крови не были они ни харуанцами, ни туранцами, а к

населявшим Коф и Замору народам тоже не имели никакого отношения. Поговаривали, что высокие крепкие молодцы клана Хирш пришли в незапамятные времена из восточной Стигии; люди племени Катта, пониже ростом, смуглые и с плосковатыми носами, заявились из Вендии; сероглазые Гизы считали себя потомками древнего народа, изгнанного хайборийцами не то из Бритунии, не то из Немедии; что же касается рыжих Секайдов, кровожадных Харра, заносчивых Дро-Па и всех прочих, то заявились они вообще неведомо откуда. Слава Митре, мир велик!

Итак, все племена ослиных пастухов были разными, и люди их сильно отличались видом, одеждой и обычаями. Если не считать языка (довольно примитивной помеси туранского с хауранским) роднили их лишь два обстоятельства: все они пасли да разводили ослов, и все они были отъявленными головорезами.

Меж собой номады жили немирно, ибо каждое племя было другим если не врагом и супротивником, то конкурентом. Спорили они из-за пастбищ и земель, спорили, чьи ослы лучше, а боевые доблести выше, спорили, кто удачливей в грабежах и кого больше опасаются купцы, спорили, чьи вожди и предводители мудрее, а воины отважнее. При всем том почитали они одни и те же святыни духов предков и общих богов, коим молятся во всем западном мире - светлозарного Митру, Подателя Жизни, луноликую Иштар, Ормазда, Аримана и других грозных владык вселенной. Нергала же и Сета кочевники не любили, и имена сих темных божеств использовались ими исключительно для проклятий и ругани.

Породистые ослы, разводимые номадами, приносили им изрядный доход, однако и простые пастухи, и племенные вожди, называемые на туранский манер ханами, отнюдь не желали довольствоваться мирным скотоводческим промыслом. Ослы, как говорится, ослами, но были же еще и верблюды, шагавшие по пустыне и степи в длинных цепочках караванов из Замбулы в Аренджун, из Акита в Хоршемиш, из Самарры в Шадизар. И, по милости Митры, везли те голенастые горбатые твари великое множество превосходных вещей, при мысли о коих у кочевников вскипала кровь, начинали чесаться ножи и рыдать стрелы в колчанах. Были в верблюжьих тюках ковры и шелк, шерсть и бархат, расписная посуда и кувшины с вином, золотые монеты, драгоценные камни, ароматные благовония, отличное оружие, сладкие финики и сушеные фрукты. И были еще женщины, прекрасные невольницы, коих везли для утех сильных мира сего. Великий соблазн!

Так что нередко ослиные пастухи забывали на время о своих питомцах и пересаживались на лошадей, дабы взыскать положенную дань с купеческих караванов. Получив свое, они снова возвращались к стадам в родную степь, ибо лишь два занятия были милы их сердцу: грабеж да торговля ослами.

Но Конан, молодой киммериец, скитавшийся по заморанским городам и весям в поисках приключений и добычи, подобной раздвоенностью не страдал. Ослы его не интересовали, разве что ослиные спины, отлично подходившие для тюков с награбленным. Но верблюжьи горбы созданы Митрой с той же целью, и потому Конан не делал различия между верблюдами и ослами. Другое дело, кони; Конь был животным благородным; конь нес всадника в битву и спасал от погони, а значит, являлся не просто четвероногой тварью с копытами и крепкой спиной. Конь был другом, если не всякий конь, так тот, которого Конан украл под Аkitом. Серый в белых яблоках Змей был боевым жеребцом лучшей туранской породы, и киммериец холил его и берег пуще глаза своего; случалось, резвые ноги Змея спасали не только глаза, но и голову хозяина.

Однако сейчас, в просторном шелковом шатре Сибарры Клама, хана гизов, Конан

чувствовал себя в безопасности. В относительной безопасности, разумеется; Сибарра Клам не принадлежал к числу его задушевных друзей, а являлся скорее временным соратником и компаньоном. Два дня назад они вместе распотрошили караван замбулийских купцов, самонадеянно направлявшихся в Аренджун по землях гизов, и теперь праздновали победу. Добыча, правда, была невелика: сотня кувшинов с хмельным хоарезмским вином да сотня тюков с овечьей шерстью. Шерсть Сибарра собирался сбыть в том же Аренджуне, а вино уничтожить не сходя с места, разумеется, с помощью Конана.

Итак, они сидели на пушистом ковре, перед блюдом с искусно зажаренным диким козленком, ели и пили хмельное из больших чащ, а прислуживала им темноглазая гибкая Сиявш, юная жена Сибарры Клама. Шатер, под кровом коего пировали компании, служил некогда наместником Акита; ковер соткали в Аграпуре, блюдо белого фарфора, украшенное синими цветами, сделали в далеком Кхитae, серебряные чаши в Шеме, а бархатный халат, парадное облачение Сибарры в Иранистане. Вино, как упоминалось выше, было хоарезмским, а разливавшая его Сиявш досталась хану гизов в качестве награды, когда он с сотней своих лихих молодцов атаковал и разграбил караван из Шангара. Словом, все в шатре Сибарры Клама было результатом разбоя и грабежа, абсолютно все, если не считать стопки высущенных ослиных шкур, красовавшихся на самом почетном месте. То были останки многих поколений ослов, лучших производителей из бесчисленных стад, гордости и святыни гизов. Считалось, что, милостью Митры, в этих хрупких старых кожах с облезлым волосом пребывают предки Сибарры Клама, не сами предки, разумеется, но их бесплотные души. Совсем неплохое место для них, размышлял Конан, сидевший справа от ослиных шкур; даже уютное, если вспомнить, что все прочие покойники отправляются прямиком к проклятому Нергалу, на Серые Равнины, в мрачное царство владыки мертвых.

Сибарра сделал повелительный знак, и темноглазая Сиявш склонилась с кувшином над чашей Конана. Стан юной шангарки был тонким и гибким, а груди полными и налитыми; Конан не мог отвести от них жадного взгляда. Сиявш, будто ненароком, подтолкнула его; бедро женщины на миг прижалось к плечу киммерийца, и он ощутил внезапный всплеск желания. Впрочем, тут не стоило кивать на случай да внезапность, ибо с Сиявш они перемигивались давно, с первых дней, как Конан обосновался в шатрах гизов. Но чем дальше, тем больше ситуация казалась Конану безвыходной: ему нравилась Сиявш, а Сибарра, его компаньон, равным образом восхищался серым широкогрудым Змеем. Намеки хана на возможный обмен делались все прозрачнее, но Конан не поддавался. Кто же меняет друга на женщину? Кром! Это было бы в высшей степени неразумно. И если б даже такая сделка состоялась, на чьей спине увез бы он свое приобретение? На ослиной? Ха! Над ним смеялись бы весь Аренджун и половина Шадизара! Лучшая половина, обретавшаяся в воровских кварталах Пустыньки!

Заметив жадные взгляды, которые Конан бросал на черноокую Сиявш, хан гизов, поднял на трех пальцах чашу с рубиновым напитком, провозгласил:

— Хорошая женщина, хорошее вино, клянусь шкурой священного осла! И сходны они в одном: под конец и от того, и от другого клонит в сон. - Отхлебнув пьянящей ароматной жидкости, Сибарра подумал и добавил: - Вино, однако, лучше. Молчит, веселит и не толь утомляет.

— Еще не родилась женщина, сумевшая бы меня утомить, - заметил Конан. Он опрокинул содержимое чаши в рот, потянулся так, что хрустнули суставы, и подмигнул красотке Сиявш. Шангарка зарделась.

— Я знаю, ты неутомим и неистов, как дикий жеребец, год не видевший кобылы, — усмехнулся хан, разглаживая длинные усы: что свисали на ладонь ниже подбородка. - И я знаю, что ты великий воин, - добавил он, покосившись на огромный меч, лежавший у колена киммерийца. - Однако, приятель, мир велик, и в нем встречаются всякие женщины. Есть такие, которых не объездить самому умелому всаднику.

— Хотелось бы взглянуть, - буркнул Конан, не отводя глаз от стройных бедер Сиявуш. Под тонкой шелковой тканью они вырисовывались весьма отчетливо, напоминая очертаниями изящную офирскую вазу.

— Можно и взглянуть, коль хватит храбости, но вот пощупать... - хан прикрыл глаза, сделав тонко рассчитанную паузу.

— Кром! Никто не упрекал меня в отсутствии храбрости! О чём ты, приятель?

— О новой наложнице Бро Иутина, владыки черных хиршей, да лягнет его Нергал пониже пупка, повыше колена! Рассказывают, огонь, а не женщина! - Сибарра в восхищении причмокнул и принялся наматывать на палец левый ус, заплетенный в тугую косичку. Палец хана украшал огромный перстень с вендиjsким алмазом, слепивший Конану глаза; он недовольно поморщился и отвел взгляд.

— Так вот, об этой девушке... - снова начал Сибарра Клам. - То ли она из Стигии, то ли из Аргоса, то ли из Зингары... а может, из Шема или Коринфа... Словом, из далеких мест! Говорят, Бро, сын шакала, отдал за нее тридцать лучших ослов... Отдал, а теперь страдает! Терпит муки, как песчаный удав, не способный проглотить упитанную козу! - Сибарра внезапно захотел, откинулся на подушки и принялся шлепать себя ладонями по коленям. Отсмеявшись, он пояснил: - Этой стигийке или аргосске восемнадцать, а Бро, старому пню, под шестьдесят! Верблюжьи потроха! Способна ли этакая кляча сладить с красоткой в расцвете лет? Говорят, он ходит враскорячку и вот-вот протянет ноги!

— Кто говорит? - спросил Конан, разглядывая приятеля.

Сказать по правде, Сибарра Клам, хан гизов, был ненамного моложе Бро Иутина, хана черных хиршей, но никто бы не взялся утверждать, что он вот-вот протянет ноги. Разве лишь для того, чтобы прекрасная Сиявуш стащила с них сапоги да почесала своему повелителю пятки.

— Слухи в степи бегут быстро, - с неопределенной улыбкой произнес Сибарра. - Молвишь слово утром, а к вечеру все шакалы на пять дневных переходов окрест провоют его с холмов.

Конан сдвинул брови над омутами синих глаз.

— Разговорчивые у вас шакалы, как я погляжу! Отшибить бы им хвосты, приятель, да и языки заодно!

— Э! - Сибарра пренебрежительно махнул рукой. - Длинный язык, что плеть: вьется, да не ломается! Опять же не про языки речь... - он глотнул вина и прижмурил веки от наслаждения. - А речь у нас про эту зингарку или шемитку... Вот женщина! Красива, как луноликая Иштар, и крепка, словно чистопородная ослица-трехлетка! Не в пример некоторым... - Тут хан бросил пренебрежительный взгляд на прелестную Сиявуш и добавил: - Старый Бро, облезлая крыса, уже который еле ползает. Ночью так наездится, что днем на коня залезть не может... А ей все мало!

— Поглядел бы я на эту стигийку или коринфянку, - задумчиво сказал Конан. - И не только бы поглядел.

Черноокая Сиявуш с неудовольствием поджала губки, но Сибарра грозно глянул на нее и

хмыкнул: в чаше гостя перекатывались последние капли. Когда было вновь налито и вновь выпито, хан промолвил:

— Поглядеть, и то тяжело, а о чем другом и не мечтай! Прячет Бро ее, прячет! Хорошо прячет и стережет, клянусь всеми милостями митры! Да и то сказать, - губы Сибарры завистливо скривились, - старый Бро хоть и козел, однако из самых могущественных в наших краях! И другим козлам с ним не сладить. Сам посуди: у меня две сотни всадников, катта могут выставить сотню, секайды и харра и дро-па наскребут по полторы, а у Бро полтысячи конных наберется! И все на черных жеребцах да в черных бурнусах... и стрелки отменные! С пятидесяти шагов в кольцо попадают!

Конан презрительно повел могучими плечами. По молодости лет (ему пока что не исполнилось двадцати) лук и стрелы он презирал, полагаясь в бою либо на длинный аквилонский меч, либо на тяжелую асгардскую секиру. Впрочем, при его силе и росте клинок да боевой топор выглядели самым подходящим оружием.

— Может, Бро и прячет девушку, да я, клянусь Кромом, до нее добрался бы! А добравшись, уговорил! - сказал киммериец, стараясь не глядеть на соблазнительный стан прелестницы Сиявш. - Если б захотел, и добрался бы, и договорился! - повторил он, глядя изукрашенную самоцветами рукоять меча.

— Не сочти за обиду, отважный лев, но слово что ветер; подул да исчез. - Сибара с усмешкой уставился на киммерийца. - Не всякий храбрец в степи рискнет подпалить задницу старому Бро Иутину и его хиршам! Я ж говорил, воины они знатные! С полусотни шагов в кольцо попадают!

— Хоть с сотни, - буркнул Конан. - Конь мой быстрей стрелы, и пока хирш натягивает лук, я успею трижды ударить мечом. Захочу, и женщина Бро будет моей!

— Конь у тебя хороший и меч быстр, но до нее тебе не добраться. Клянусь, не добраться! - властитель гизов возложил длань на груду священных ослиных шкур. - Молодость опрометчива, но человек зрелый, - он ударил себя в грудь, - знает, где ему прищемят нос. И не сует его в капкан, пытаясь понюхать сладкую приманку.

— Вот и береги свой нос, а о моем не заботься! - Разгоряченный вином, киммериец опустил кулак на старые кожи, выбив из них облако едкой пыли. - Сказал, пересплю с этой женщиной, значит, пересплю!

Тут он бросил взгляд на Сиявш столь красноречивый, что Сибара поспешил уточнить:

— С которой?

— С наложницей старого Бро, самой собой, - сказал Конан, успокаиваясь.

— Кости Нергала! Это невозможно, приятель! не подумай, что отговариваю тебя, но мне вовсе не хочется потерять такого удальца! ведь ты один стоишь десятка моих воинов...

— Двух десятков, - возразил Конан.

— Двух, - согласился хан с хитрым блеском в глазах. - Пусть двух, киммериец, но у Бро Иутина пятьсот всадников! Подумай об этом!

— Уже подумал, - с пьяным упорством произнес Конан. - Подумал и решил, что пятьсот всадников не будут стеречь одну девушку. Что они, кастраты из турецких гаремов? Будут они торчать в дозоре все ночи, как же! У них в шатрах свои женщины. Ну, поставит Бро троих стражей или четверых... или десяток... А десяток мне не помеха! Главное - с самой девушкой договориться, так? - и он подмигнул Сиявш.

— Ну, гляди... я тебя предостерег! Эти черные бурнусы демоны, а не люди! Готов спорить...

— Мало я демонов повидал, что ли? — ухмыльнулся киммериец. Внезапно он выпрямил спину, отставил чашу и запустил пятерню в густые темные волосы, будто пораженный какой-то новой мыслью. — Готов поспорить, говоришь? — Его пронзительные синие глаза уставились на хана гизов. — Ну, так посмотрим!

— Я тебя на спор не вызывал, — произнес Сибарра, опасливо пряча взгляд. — Но коль настаиваешь...

Конан вновь хлопнул кулаком по шкурам. Решив, что это является знаком согласия, хан сказал:

— Во всяком споре есть две вещи: та, о которой спорят, и та, которую можно выиграть или проиграть. О чем мы спорим, ясно. А вот какой будет заклад?

— Моя доля добычи, что взяли у замбулийских купцов, — предложил Конан, но хан лишь скривился.

— Какая там добыча? Вино мы выпьем вместе, а от шерсти доход невелик. Вот если ты поставишь коня...

— Моего коня? Кром, ты хочешь слишком много!

— А почему? Ты ведь сказал, что пятьсот всадников не помеха, главное договориться с девушкой. Ну, а с ней ты договоришься. Какая женщина не захочет сменять старого облезлого козла на молодого льва!

Тут Сиявш хихикнула, и хан, дернув левый ус, окатил ее ледяным взглядом. Конан тоже посмотрел на черноокую шангарку, призадумался, насупился, но потом согласно кивнул.

— Ладно, пусть будет конь. — Все равно ты его не получишь. Ну, а твой заклад?

— Я ставлю осла. Любой из десятка лучших. Из тех, что могут покрывать двадцать ослиц за день. Сам выберешь!

— Осла? — скривившись, протянул киммериец. — Ты что, смеешься надо мной, приятель? Осла против боевого туранского жеребца! Чего захотел! Чтоб Нергал тобой подавился!

— Любой из моих ослов — великое сокровище, — терпеливо пояснил Сибарра. — Ослы наши известны и в Заморе, и в Туране, и в Хаурае. Те, что я держу на племя, стоят подороже твоего жеребца. К тому же в них живут духи предков!

— На кой мне сдались твои предки? Лучше скажи, сколько потянет осел в звонкой монете?

— Племенной — а их узнают по темному ремню вдоль хребта и большим зубам — стоит не меньше двух сотен золотых.

— Туранских монет? — уточнил Конан. — Золотые иной чеканки весили вдвое-втрое меньше.

— Туранских, каких же еще!

Киммериец исподлобья осмотрел Сибарру Клама. Он был не так пьян и не столь прост, как можно было бы подумать, взглянув на его лицо с варварскими резкими чертами, а мощные плечи и грудь, на которой улеглась бы черная пантера. Варвар, да; разбойник, воин, лихой рубака, но себе на уме. Жизнь приучила его к недоверчивости; и, ожидая от него скорее худшего, чем лучшего, Конан был подозрителен и осторожен. Несмотря на туман опьянения, он сохранил здравый смысл, который сейчас подсказывал, что разговор о наложнице Бро Итутина, хиршского хана, затеян Сибарром не без умысла. Умысел этот киммериец видел ясно, как свою ладонь: так или, иначе компаньон подбирался к его жеребцу. К серому Змею в белых яблоках!

Однако сказанного слова не поймаешь и не вернешь. С другой стороны, чудо-осел ценой

в двести золотых тоже был бы неплохим приобретением; вся доля Конана от налета на замбулийский караван не составляла и четверти этой суммы. Имелось еще и третье соображение, связанное с чаровницей Сиявш, прекрасной шангаркой. Конан намеревался слегка подразнить ее; он пробыл у Сибарры бел малого месяц и полагал, что за это время юная супруга хана могла бы найти случай, чтоб встретиться наедине. А раз не нашла, значит, не сумела решиться, и надо подтолкнуть ее. Великий Митра! Ревность порою творит чудеса и с мужчинами, и с женщинами!

Прокрутив в голове все эти соображения, он положил руку на свой меч и сказал:

– Принято! Клянусь, что ты получишь Змея, коль наложница Бро, хиршского козла, мне не уступит. Но если я с ней слажу, то выберу лучшего из твоих ослов, с самым широким ремнем вдоль хребта и с самыми здоровенными зубами. И сделаю с ним все, что захочу: продам, сдеру шкуру на барабан или засуну Нергалу в задницу.

– Принято! – подтвердил Сибарра Кlam и торжественным жестом коснулся стопки ветхих ослиных кож. – Я тоже клянусь духами предков, что так и будет. Сладишь дело с этой стигийкой или шемиткой – и лучший осел твой! И пусть поразит меня Сет и Митра, все черные и светлые боги, если я отступлю от сказанного!

– Смотри, приятель! – пообещал Конан, оглаживая рукоять меча. – Обманешь – усы под коленями завяжу!

Хан ничего не ответил, лишь сверкнул глазами, то ли насмешкой, то ли с возмущением.

Где-то неподалеку от шатра заржал Змей, и по губам Сибарры скользнула улыбка собственника. Затем он кивнул прекрасной Сиявш, и та поспешила наполнить опустевшие чаши.

* * *

Следующим утром, едва над степью занялась заря, Конан выехал на восток. Там, среди холмов, у самой туранской границы, кочевал старый Бро Иутин с детьми своими, черными хиршами. Земли его и пастбища считались из лучших; трава там была сочнее, у подножий курганов часто попадались ручьи и небольшие озерца, кое-где кустарник годившийся для костров, и повсюду в изобилии паслись дикие козы. Ни один из кочевых кланов не мог отнять эти угодья у хана Бро, так как владел он ими по праву сильного, что в любой момент подтвердили бы пятьсот всадников на вороных конях, с тугими луками и колчанами, полными стрел.

Но Конан подбираясь к землям хиршей, думал не столько об этих воителях и предстоящем деле, сколько о стенах Шадизара и башнях Аренджуна. Уже целую луну он провел в дикой степи, прибиввшись к людям Сибарры Клама, и начинал тосковать по шуму и блеску больших городов. Он очутился здесь не по своей воле, но, скорее, по необходимости и принуждению. За пару лет, проведенных в заморанских пределах, слава его выросла многократно; не было разбойника, грабителя и вора, который мог бы соперничать с молодым киммерийцем в открытом ли бою, в тайном ли хищении, в налетах на караваны, на дома и усадьбы богатых купцов и знатных нобилей. Числились за Конаном и другие дела, куда опасней грабежа или разбоя: доводилось ему меряться силой с темными магами и

могущественными жрецами, способными взглядом обратить человека в прах. Но меч киммерийца был быстрее колдовских взглядов и заклятий так что прахом он не стал к великому сожалению заморанского властелина, пытавшегося навести порядок в своих владениях.

Впрочем, сей владыка делал, что мог, и в последние месяцы, после нескольких дерзких налетов, Конана выслеживали по всей Заморе, от Карпашских гор до границ с Тураном. Поразмыслив, киммериец счел за благо удалиться, по крайней мере, на время, пока не утихнут страсти и ока пыл ищеек, стражей и солдат не подернется пеплом привычной лени. Ему, однако, не хотелось перебираться в Коринфию, Офир или Коф, а потому он решил поискать убежища в тех местах, где люди не подчинялись никому, кроме своих ханов и зову собственной выгоды. Так он и очутился на засушливой равнине к югу от Аренджуна, среди разбойных степных племен и ослиных стад. И то, и другое, и третье ему уже порядком надоело.

Он подумывал о том, чтобы отправиться в Туран. Там, у реки Ильбарс, и на побережье моря Вилайет, стояли великие города Акит, Самарра, Аграпур, Шангара, Хоарезм; там, по слухам, правил щедрый король, нуждавшийся в мечах и воинском искусстве наемников; там рекой лилось вино, звенело золото, плясали на площадях полунасущные танцовщицы, караваны верблюдов, раскачивая драгоценный груз, входили в городские ворота, тянулись к огромным шумным базарам; там, в морских просторах, плыли пузатые торговые барки, пиратские галеры под черными парусами и юркие суденышки контрабандистов. Все это и многое другое соблазняло Конана; вдобавок он чувствовал, что взрослеет, вырастая из прежней шкуры грабителя и вора подобно дитю, которому сделались тесны прежние одежды. В Туране он мог бы заняться воинским ремеслом и - то знает! - стать гвардейцем туранского владыки или даже капитаном наемников. Великий Митра и грозный Кром! Война могла принести не меньше денег, чем грабеж торговых караванов; война могла осчастливить удачей и почестями, настоящими почестями, а не сомнительной славой лучшего из шадизарских воров.

Единственным, что удерживало Конана кочевых шатрах Сибарры, была темноокая Сиявш. Пожалуй, он не стал бы утверждать, что пленился ею с первой встречи раз и навсегда, до самых Серых Равнин; дело скорей заключалось в принципе, в упрямом желании добиться своего. Но, быть может, размышлял Конан, наложница старого Бро, эта шемитка или зингарка, окажется еще лучше Сиявш? И, овладев ею, он забудет о гибком стане и полных грудях шангарки? А, забыв, уедет все-таки в Туран? В конце концов, велика ли разница, переспать ли с женщиной хана гизов или хана хиршей?

Так он раздумывал, строя планы на будущее и нимало не сомневаясь, что под покровом темноты проберется в шатер наложницы Бро Иутина, охраняя ее хоть тысяча всадников. Конь его, широкогрудый серый Змей, тем временем одолевал за три вздоха расстояние броска копья, неутомимо перебирая крепкими ногами, и мало-помалу вид степи начал меняться. Травы сделались зеленей, холмы выше, в воздухе ощущался запах воды, а свежий ветерок доносил козлиное блеянье. Оглянувшись, Конан понял, что находится уже на территории хиршей, а значит, не следует пренебрегать осторожностью. Солнце, глаз светлого Митры, давно прошло зенит, но сумерки еще не наступили; лучше всего пересидеть остаток светлого времени под каким-нибудь курганом, пряча коня в зарослях кустарника. Избрав такое решение, Конан высмотрел подходящий холмик и направился к нему, прикидывая, как бы незаметнее проскользнуть мимо стад, пастухов и лучников Бро. О слов у хиршей много, думал

он, и если вдруг появится еще один, киммерийский, то наверняка пройдет незамеченным. Если оставить Змея в надежном месте, подкрасться к длинноухим, залезть в середину табуна и, прикрываясь за их спинами, попробовать...

Протяжно свистнула стрела, вонзившись у самых конских копыт. Змей захрапел, а Конан поднял голову, мгновенно уяснив, что все его планы и расчеты нарушен: с вершины холма, к которому он направлялся, спускалась цепочка всадников на вороных лошадях и в черных бурнусах. Было их не меньше трех десятков, и каждый держал в руках лук.

Тут Конану припомнились слова Сибарры Клама, что хирши-де попадают на скаку с пятидесяти шагов в кольцо. Правда, до их отряда оставалось две сотни шагов, но сам Конан вовсе не был каким-то колечком! Исполин на рослом жеребце, без шлема и кольчуги... Бей, куда хочешь - голову, в грудь, в живот! Или в коня!

Пронзительно свиснув, киммериец дернул повод и помчался к ближнему кургану, обещавшему ненадежное укрытие. Он не боялся; он был готов драться с этими хиршами лицом к лицу, меч к мечу, но понимая, что вряд ли дело дойдет до мечей, прежде его изрешетят стрелами.

Змей делал гигантские прыжки, спасительный курган приближался, за спиной, отставая, вопили хирши, а стрелы их сыпались градом. Впрочем, ни одна не задела киммерийца, и он решил, что слухи о меткости черных лучников сильно преувеличены. Или этот поток стрел являлся всего лишь предупреждением?

Все разъяснилось, когда он начал огибать курган и когда навстречу Змею вылетели еще три десятка всадников, растянувшихся цепью, словно в облаве на хищного зверя. Разом десяток стрел ударили в землю по обе стороны от Конана, а одна чиркнула по крупу серого жеребца. Такого Конан снести не мог; он остановил коня и, положив руку на меч, свиреп уставился на окружающих его хиршей. Он понимал, что грозить им не стоит, как и ввязываться в драку, похоже, его хотели не убить, а пленить.

— Чего вам надо, смердящие потомки ослов? — рявкнул киммериец. Вопрос, пожалуй, был наивным; ведь это он вторгся на земли хиршей, а не наоборот. И он был в полной их власти! Как известно, незваный гость хуже пикта, и на этом основании бдительные хозяева могли изрешетить стрелами и самого Конана, и его превосходного жеребца.

Но они вроде бы не собирались стрелять; сидели на конях да скалили зубы. Все жеребцы были в одну масть, а вот всадники различались: одни смуглые и с черными волосами, другие с каштановыми, а иные совсем белокожие да светловолосые. Видно, текла в них кровь многих невольниц со всех сторон света, взятых отцами и дедами в набегах да грабежах. Их предводитель, хмурый воин в черном бурнусе, расшитом алыми ромбами, меряли киммерийца пристальными взглядами да чесал в бороде. Потом, насмотревшись, произнес:

— Если ты Конан, северянин и наемник Сибарры, длинноусого козла, поедешь с нами. Если нет, можешь копать могилу своей железкой Земля мягкая, меч у тебя большой, а мы не торопимся, так что рой яму поглубже. Убережешь свои кости от шакалов.

— В той яме я буду в большой компании, и рыть ее придется тем из вас, кто уцелеет, — сказал Конан, вытаскивая меч до половины.

Но всадник в расшитом бурнусе остановил его повелительным жестом.

— Убери клинок! Я вижу, ты тот, кого мы ищем. Хан Иутин, почтенный отец и владыка наш, послал за тобой, киммериец, наказав привезти тебя целы и невредимым. Ну, будешь драться или поедешь добром?

Конан, пробурчав проклятье, с лязгом задвинул в ножны меч. Засада была приготовлена

по всем правилам, и сопротивление не имело смысла, во всяком случае, сейчас, когда его окружали шестьдесят конных лучников. Целое войско! И откуда они взялись? Неужели Сибарра продал его Иутину? Но зачем? Хорошо изучив длинноусого хана, Конан знал, что тот и шага не шагнет, не озабочившись выгодой. А какой ему прок, если хирши перережут компаньону глотку и заберут коня?

Размышляя на эту тему, он ехал вслед за десятком всадников самого разнообразного обличья, но сходных в том, что все они были рослыми и крепкими и глядели орлами. Еще двадцать молодцов окружали его, не снимая стрел с тетив, а остальные веером двигались в арьергарде, приглядывая за прытким Змеем и его хозяином. Так, в полном молчании, они миновали несколько пастбищ, где щипали траву необозримые стада ослов и не столь многочисленные табуны вороных кобылиц. Затем отряд поднялся на гребень холма, за которым, в неглубокой, но просторной лощине лежал лагерь хиршей. Любой, бросивший взгляд на этот стан, мог догадаться, что племя это не из бедных и порядок в нем ценится весьма высоко.

Лагерь был чист и разбит с основательностью и умением. Точно посреди его высился ханский шатер, высокий, черный и квадратный, с пышными серебряными кистями по углам. С одной стороны от жилища владыки располагались палатки в черно-красную полоску для родичей, жен и близких ханских слуг; с другой стояли шатры поскромнее, для простых пастухов тоже полосатые, черно-белые. Было их много, сотни три или три с половиной, и весь лагерь еще окружало двойное кольцо черных шатров, поменьше ханского, но тоже весьма вместительных. В них, очевидно, жили воины, ибо рядом с каждым находилась коновязь с двумя-тремя вороными жеребцами.

Сопровождаемый своим почетным эскортом, Конан спустился с холма и под свист и улюлюканье мальчишек, столь же разномастных, как взрослые, въехал в палаточный городок. Глаза его косили то вправо, о влево, но случай для бегства пока не подворачивался. Сидя с Сибарром за жареным козленком и вином, он мог похвастать, что серый Змей обгоняет стрелу, но сейчас, под прицелом лучников в черных бурнусах, понимал, что то было лишь пустое бахвальство. Великий Митра! Сколько часто карает он человека за длинный язык!

Впрочем, Конан не побоялся бы вытащить меч и схватиться со всеми пятью сотнями хиршей (или сколько их там было), но первой жертвой в этом бою стал бы его драгоценный жеребец. Враги, несомненно, так издырявили бы Змeя стрелами, что шкура его не годилась бы даже на барабан.

Кроме того, Конана мучило любопытство. Зачем хан хиршей пожелал встретиться с ним? Чтобы переманить к себе на службу? Или предать мучительной казни? Но за какую вину? Вряд ли он знал о намерениях незваного гостя, высказанных лишь вчера вечером, в целом дне пути от его стана.

Тем временем конвой, миновав проезд между черно-белыми и черно-красными шатрами, доставил пленника прямо к ханскому жилищу. Его передняя стена из плотной черной ткани была раздвинута, и на пороге, попирая сапогами алый туранский ковер, стоял Бро Иутин, повелитель хиршей. Выглядел он величественно и грозно: осанистый стари в пунцовом кхитайском халате, расшитом серебряными драконами, при сабле и кинжале, с бронзовым гонгом, висевшим на цепочке у пояса. Было ему немало лет, но в черной бороде просвечивали лишь редкие седые пряди, а плечи казались все еще широкими и прямыми. На смуглой его физиономии морщины удалось бы перечесть по пальцам одной руки; длинный крючковатый нос, наследие стигийских предков, еще не опустился к верхней губе, а торчал

гордо, по-орлиному. Нет, Бро Иутин никак не походил на человека, изнемогшего от ночных утех!

Повинуясь жесту предводителя в расшитом бурнусе, Конан покинул седло и огляделся. Половина воинов тоже спешилась, окружая его плотным кольцом; остальные, не слезая с коней, принялись разгонять толпу любопытных. Очистив территорию, они выстроились цепочкой перед черно-белыми шатрами, не подпуская простонародье, к хану. Из черно-красных палаток никто не показывался, и Конан с тоской представил, что в одной из них ежится сейчас на коврах и подушках та самая то ли аргосска, то ли коринфийка, из-за которой он рискнул головой. Воистину Митра создал женщин на погибель мужчинам!

Подумав об этом, он сплюнул от бессильной злобы и повернулся к хану. Бро Иутин вроде бы не выглядел гневным; правда, глаза его сверкали, но не бешенством, а скорее насмешкой. Так, во всяком случае, показалось киммерийцу, хотя сам он ничего смешного в окрестностях не наблюдал. Но тут все зависело от точки зрения, а у них с Бро Иутином она являлась существенно раной.

Хан хиршай оглядел Конана от пыльных сапог до черной гривы, падавшей на широкие плечи. Казалось, он размышляет, что делать с пленником то ли пригласить к столу, то ли снести голову саблей, то ли, не маля собственных рук, махнуть лучникам. Наконец он пришел к какому-то решению и, внезапно подмигнув киммерийцу, выдохнул:

— Хо! Да возрадуется Митра и луноликая Иштар, да сгинут Нергал и Сет, черные боги! Говорят, северянин, ты поклялся провести ночь в шатре моей любимой жен?

— Кто говорит? — полюбопытствовал Конан.

— Слухи в степи быстро бегут, сын мой, — усмехнулся Бро Иутин. — Молвишь слово вечером, а утром все шакалы на пять дневных переходов окрест провоют его с холмов.

— Неправду воют твои шакалы, — произнес киммериец, мысленно пообещав Крому печень предателя-компаньона. — Неправду, — повторил он, кладя руку на изукрашенный каменьями эфес. — Речь шла не о жене, а о наложнице!

— Но любимой? — подчеркнул хан, впиваясь в Конана взглядом. — Самой любимой?

Киммериец, не опуская глаз, возразил:

— Не самой любимой а самой дорогой. Той, что обошлась тебе в тридцать ослов. Не то стигийке, не то зингарке, а может и шемитке.

— Не то стигийка, не то зингарка, не то шемитка... — задумчиво повторил хан, покачивая головой. А почему бы не все разом, сын мой? — Он снова подмигнул Конану и принял оглаживать бороду, то пропуская темные пряди меж пальцев, то подравнивая их так, чтобы не было заметно седины. Внезапно Бро Иутин вздохнул, и глаза его подернулись мглой воспоминаний.

— Молодость, молодость!... — произнес он. — Были времена, и я тоже мечтал обнять всех красивых девушек на свете... Хо! Похвальное желание, сын мой! Весьма похвальное! Но время то миновало, и теперь женины волнуют меня куда меньше, чем караван с богатым товаром или добрый приплод от моих ослиц. Но тебя, северянин, я потешить могу! Тебя и себя, ибо приплод от такого жеребца должен быть добрым.

Тут хан, не мешкая, повернулся к черно-красным шатрам, вытащил кинжал и ударил рукоятью в висевший у пояса бронзовый диск. Долгая протяжная нота поплыла над лагерем и окружавшими его холмами; по этому сигналу полосатые ткани враз приподнялись, раздвинулись, взметнулись вверх и в стороны, пропустив без малого сотню женщин. Они отличались возрастом и обличьем; были девушки, сочные, как яблоки Турана, и совсем юные,

встретившие пятнадцатую весну. Бро снова ударил в гонг, и жены его, наложницы и рабыни выстроились длинной чередой; слева встали морщинистые и седые, а справа тонкоствольные яблоньки, коим еще цвети, расти и наливаться жизненными соками. Конан глядел на это зрелище во все глаза.

Хан, ухватив его за плечо цепкими пальцами, подтолкнул к шеренге, к самому ее центру.

— Те, — он небрежно махнул влево, — пустые бурдюки, облезшие ослицы! А те, — он мотнул бородой вправо, — пока что годятся лишь собирать навоз да чесать мужчине пятки. Зато эти, — Бро Иутин с гордостью оглядел середину строя, — скучать не заставят! Хо, хо! Ловки, умелы и плодовиты, как весенняя степь! У каждой свой норов и своя прихоть, но чрева одинаковы: пальцем коснись, и проклюнется зерно. — Повернувшись к Конану, хан ухмыльнулся. — Вот ты и коснись, только не пальцем!

— Всех? — Глаза киммерийца метнулись налево, потом направо. Женщин, достойных упоминания, было не меньше тридцати, и он ощущал вполне понятную неуверенность в собственных силах.

— Ну, всех, не всех. — Протянул хан, — но хотя бы половины... Или, для ровного счета, двадцати. А дети мои последят, посчитают... Так, Санриз? — грозно сдвинув брови, он поглядел на воина в расшитом бурнусе. — Справишься, северянин, отпушу с миром; не справишься, завернут тебя в свежие шкуры, содранные с самых поганых ослов, перевяжут туго ремнями и оставят подсыхать на солнышке. За все хорошее, знаешь ли, надо платить, северянин!

Он расхохотался и хлопнул Конана по спине.

— Знаю! — Киммериец оглядел строй женщин, прикидывая, что здесь наберется два десятка красавиц ничем не хуже, а пожалуй и лучше, чем черноокая Сиявш. Хан хиршей и в самом деле был силен и богат, куда богаче хана гизов, если мг пересадить к своему шатру такие цветы! И, судя по облику, их черным, каштановым, рыжим и светлым кудрям, белой, золотистой или смуглой коже, глазам, подобным агатам, изумруду или бирюзе, красавиц этих собрали из самых далеких мест, со всей Хайбории, из холодных северных стран и из тех краев, юных и восточных, что лежат за великой рекой Стикс и морем Вилайет.

Подумав об этом, Конан повернулся к владыке хиршей, чьи пальцы играли рукоятью кинжала, сказал:

— Видит Кром, даже в Шадизаре и Аренджуне не встречал я разом стольких годных под седло кобылиц чистой породы! Но где среди них та коринфянка либо аргосска, о которой толковал мне Сибарра? Та, за которую ты отдал тридцать ослов?

Бро Иутин презрительно пожал плечами.

— Этот Сибарра, крысиный ус, еще больший глупец, чем я полагал! Безухий осел! Всех меряет по себе! Богатства и сил хватает у него на жену, на пару морщинистых наложниц да трех черных рабынь из Куша, к коим можно приблизиться, лишь отвороти лицо! Таков он, и такими почитает остальных! Но я, сын мой, силен и богат, и я — хан гордо выпятил грудь, — платил за многих женщин цену тридцати ослов, покупая их в Стигии либо в Офире, в Шеме либо в Коринфии, или отнимая у караванщиков, проходивших по моим землям. Ты думаешь, я помню, кто тут откуда и сколько стоит? Да и к чему тебе это знать, северянин? Для тебя важней другое!

— Другое? Что? — спросил Конан, перемигиваясь с сероглазой светловолосой красоткой и одновременно делая знаки еще одной, с черными кудрями до пояса.

Бро Иутин с широкой улыбкой снова похлопал гостя по спине, вероятно, так же, как он

хлопал и ощупывал своих племенных ослов.

— Самое важное для тебя, сын мой, встретить утро в моем шатре за чашей вина, а не на холмах, закатанным в сырье шкуры. Страшная смерть, клянусь милостью Митры! Солнце палит, шкуры сохнут, везде чешется, а не почесаться! Представляешь, сдохнуть, не почесавшись! Что может быть хуже!

И хан хиршей захохотал, забрав бороду в кулак.

* * *

Смерть в сырых ослиных шкурах Конана миновала. Утром он даже смог самостоятельно добрести до ханского шатра, отказавшись от помощи стражей. Их вчерашняя настороженность и враждебность сменилась восхищением; видно, хирши ценили мужскую силу и, после ночных подвигов гостя, были готовы доставить его к хану на уках. Но Конан отказался. Хоть колени у него подрагивали, в пояснице ломило, а перед глазами расплывались радужные круги, он проследовал в черный шатер своим ходом, опустился на мягкую подушку и даже нашел в себе силы остаться в сидячем положении. Смуглые коринфянки и стигийки, белокурые немедийки и гандерландки, темноглазые туранки и офиры все еще окружали его незримым кольцом; ему казалось, что в ближайшие полгода он не сможет приблизиться ни к одной женщине на сотню шагов.

— Ну, Санриз? — спросил Бро Иутин, обратив взгляд на стража в расшитом бурнусе.

— Двадцать три, отец мой и повелитель, — оскалился тот. — Клянусь серебряными грудями Иштар! Никогда бы не поверил, если бы считал сам!

Хан возвел руки к восходящему солнцу.

— Хо! Хвала Митре! Воистину, дети мои, он прислал нам доблестного мужа! Он направил сюда его шаги! Он, а не этот паршивец Сибарра Кlam, полный хитрости и вероломства! — Затем Бро Иутин обернулся к Конану и сказал: — Доволен, северянин? Насытилось ли сердце твое? Ублажилась ли душа? Не хочешь ли чего-нибудь еще?

— Вина, — прохрипел Конан, — вина!

Хан щелкнул пальцами, и вино тут же появилось в преизрядном количестве. А с ним лепешки и мед, острый козий сыр и жаркое с приправой из дикого чеснока.

Пил Конан долго, а ел еще дольше. Солнце, светлый глаз Митры, успело уже на добрый локоть подняться над восточными холмами, когда он отодвинул опустевшие подносы и опрокинул чашу донышком вверх. Голова у него перестала кружиться, руки и ноги обрели былую мощь, и теперь он, пожалуй, вынес бы присутствие двух-трех женщин в том случае, если каждой из них стукнуло по семьдесят или не исполнилось пятнадцати. Киммериец потянулся, вытер жирные пальцы о штаны и перевел взор на хана хиршей. Тот глядел на него будто отец на любимого сына.

— Кром! Нелегкая выдалась ночка!

— Нелегкая, сын мой, — согласился Бро Иутин. — Зато рассвет ты встретил за чашей вина, а не в сырьих шкурах. И ночью вкусишь столько радостей, сколько не снилось самому владыке Турана, не говоря уж о жалких ублюдках и скопцах, что правят Заморой, Коринфиеи и Офиром.

— Щедрость твоя велика, — ответствовал Конан, — но до сих пор я не ведаю ее причины. Сибарра, приятель мой, говорил, что женин твоих охраняют пятьсот воинов. И я вижу, он махнул рукой в сторону шумного стана, гудевшего, как пчелиный улей, — что их в самом деле пятьсот, никак не меньше. И все шустрые пани!

— Хо! Потому и шустрые, что третья либо четверть — мои сыновья да внуки, и в каждом намешано много всяких кровей. Теперь добавится и твоя... Я же сказал, что приплод от этакого жеребца будет добрым! стоит ли жалеть для него десяток-другой кобылок?

— Но Сибарра толковал...

Прервав Конана, хан хиршей язвительно ухмыльнулся.

— И о Сибарре было мной сказано, что он безухий осел, глупец, что меряет всех по себе да ищет выгоду там, где можно найти лишь засохший навоз! Думал он посмеяться надо мной, но я посмеюсь над ним! — Тут Бро Иутин хитро прищурился и сказал: — От шакалов, что воют на холмах, прослышил я о каком-то споре? И о закладах? Один заклад серый туранский жеребец, обгоняющий стрелу, а другой — осел превосходной породы, с темным ремнем вдоль хребта?

— Тут твои шакалы не ошиблись, — сказал Конан, размышляя, к чему клонит повелитель хиршей. — Осла я теперь могу выбрать любого, самого длинноухого и зубастого. Сибарра говорил, чем больше зубы, тем выше цена.

— Хо! Велик Митра и видит все хитрости людские! Не слушай Сибарру, сын мой, слушай меня! Дам тебе один совет, как родич родичу... ибо в ту ночь мы породнились с тобой целых двадцать три раза. Станешь выбирать, не гляди на ослов гладких и зубастых, а ищи хромоногого, не из самых молодых, а с потертым крупом и белой отметиной на лбу. Приведешь его ко мне, получишь столько серебра, сколько весит этот хромоногий. Клянусь Митрой! И взвешивать будешь сам, а я за спиной торчать на стану!

Конан навострил уши, прикидывая, что тут наберется побольше, чем на двести туранских золотых, про которые толковал Сибарра. Получалось, осел ослу рознь, и есть такие, что идут на вес серебра! Он хмыкнул, протер кулаками слипавшиеся после бессонной ночи глаза и спросил:

— Не дорого встанет тебе хромоногий? Он все ж таки осел, а не кхитайский дракон с золотыми чешуями и клыками из рубинов!

— Какой мне прок от дракона? — поморщился Бро Иутин. — Он моих ослиц не покроет! Хо! А если покроет, так принесут они ушастых ящериц, коих продашь в базарный день за медяк, и тем будешь доволен. А потомству хромоногого цены нет! Он меж ослов как ты меж людей... Лучший! И неистов, словно сам Нергал!

Последний довод убедил Конана. Вероятно, хан хиршей, с присущей зреющему возрасту мудростью, заботился и о людях своих, и об ослах, не упуская случая подбить тем и другим свежей крови. И, как рачительный хозяин, Бро Иутин, залучив к себе одного жеребца, хотел приобрести и другого. Вполне понятное желание!

Киммериец поднялся, потом присел пару раз, разминая ноги, и взглянул на небосвод. Солнце уже стояло высоко.

— Пусть приведут моего коня! Поеду к Сибарре... потолкуем с ним насчет ослов и наложниц... Из Стигии, Офира и прочих мест.

— Не торопись! — хан похлопал по ковру, приглашая Конана снова сесть. — Не торопись, сын мой, ибо дела наши еще не закончены, а всякое незаконченное дело противно Митре.

— У тебя есть еще наложницы? — спросил Конан, потирая поясницу.

– Не о женщинах речь, северянин, а о свидетельствах! Представь, явишься ты к Сибарре, длинноусому поганцу, и скажешь, что переспал со всеми коринфянками, стигийками и шемитками из моих шатров. Так он тебе и поверит, хо! Скажет, что ночевал ты в степи, под курганом, а зингарки да огирки тебе только снились!

– За доказательствами дело не станет, - Конан огладил рукоять своего длинного меча и усмехнулся.

– Не обнажай клинка там, где нужны лишь перо, печать и пергамент, - произнес Бро Иутин, вновь доказав свою мудрость. Затем он кликнул Санриза и Велел привести писца-заморанца, взятого в плен в позапрошлом году. Когда сей ученый муж был доставлен вместе с пером и пергаментом, хан придинул Конану непочатый бурдюк вина и принялся диктовать. Не успело солнце подняться еще на ладонь, как бурдюк опустел, а пергамент заполнился словами, которые Бро Иутин, владыка хиршей, желал передать Сибарре Кламу, повелителю гизов. Были они не такими сладкими, как выпитое Конаном вино, однако и не кислыми, словно уксус; скорее, жгучими, как яд пустынной змеи.

Излив эту отраву на пергамент, Бро Иутин припечатал сказанное своим перстнем, вручи гостю свиток и, еще раз напомнив о хромоногом осле с белой отметиной, отпустил восвояси.

* * *

Бессонная ночь и тяжкие труды утомили Конана; он уснул в седле. Большой беды в том не было, так как серый Змей, турецкий жеребец, хорошо знал дорогу в стан гизов, а до границ владений Иутина за гостем присматривали всадники в черных бурнусах. Но Конан их не замечал. Голова его опустилась на грудь, веки сомкнулись, уздечка выпала из рук; он спал и видел сны, и с каждым скачком Змея, с каждым истекшим мгновением они становились все приятней и приятней.

Но вначале привиделся ему кошмар - полукруг черно-красных полосатых шатров, которые он обходил один за другим, но не в человеческом обличье, а в образе хромоногого осла с потертым крупом. И в каждом шатре ожидала его внимания не женщина, не красавица с томными очами, а ослица-трехлетка, бесстыдно раскинувшаяся на коврах копытами кверху, в позе, совсем не свойственной ослам. Он шел от шатра к шатру, выполняя свой долг, а за ним, на собственном его жеребце, сером Змее, ехало двухголовое чудище, демон с лицами Бро Иутина и Сибарры Клама, погонявший его плетью. Притом одна голова вела счет да толковала про ослов ценою в двести золотых, друга же грозила спустить с него шкуру, а после этого, снова завернув в нее, бросить на погибель в безводной степи.

Но постепенно сон изменился; ослицы все больше походили на женщин, а сам Конан получил возможность выпрямиться, встать на ноги и продолжить свои занятия с большим удобством и достоинством. Чудище, маячившее за его спиной, исчезло; смолкли свист плети и голоса, то считавшие шатры, то грозившие ему страшными карами, то бубнившие про бесценных ослов, коих положено продавать на вес серебра. Вдруг Конан заметил, что человеческий облик вернулся к нему, но это было еще не самым приятным, оставалось обойти всего лишь два шатра, стоявших в отдалении и как бы отделенных от всех прочих.

Он приблизился к этим палаткам и обнаружил, что в одной его ждет прелестная

черноглазая Сиявшая, а в другой серебряная статуя хромоногого осла. Того самого, с потертым крупом, в чьем обличье он осчастливила стольких ослиц! Конан задержался перед двумя шатрами будто бы в нерешительности, и тут сверху прогрохотал раскатистый глас, подобный рыку разгневанного Крома: "Выбирай!" И снова: "Выбирай! Выбирай!"

Он выбрал. И сон после этого стал еще приятней.

Змей, почувствовавший близость жилья, заржал, и Конан очнулся.

Солнце неторопливо склонялось к пыльным сухим травам, но было еще светло и до заката оставалось немалое время. Серый жеребец трусил вперед мерной иноходью, голова у Конана была ясной, и недавние сны, врезавшиеся в память, способствовали размышлениям и думам о грядущем. Чем Конан и занялся, то оглядывая пустынный унылый пейзаж, то посматривал на маячивший уже неподалеку стан гизов.

Он не успел добраться до крайних шатров, как твердо уверился в двух вещах: во-первых, эта степь, ослы и их хозяева, к какому б роду-племени они не относились, надоели ему больше прокисшего вина и прогорклого пива. А во-вторых, он пришел к мнению, что лучше провести ночь с одной красавицей, чем с парой десятков, ибо любой плод надо распробовать как следует, а не куснуть насекоро и второпях. И тут мыслями его вновь завладела Сиявшая, черноокая шантангарка, жена Сибарры Клама.

Хан гизов поджидал его на окраине лагеря, меж двух загонов, разграниченных просторными салями; в одном перебирали копытами лошади, в другом мирно жевали сено полтора десятка ослов. Ослы все были как на подбор - крепкие, молодые, зубастые, с широкими черными полосами вдоль хребетин. Был Сибарра не в одиночестве; его сопровождали пять воинов с мечами да копьями и прелестная Сиявшая с подносом. На подносе Конан узрел кувшин с вином и пару чаш.

Он слез с коня и, сухо кивнул Сибарре, опрокинул кубок в пересохшую глотку.

- Ну? - сказал хан, тоже осушив чашу и расправив усы. - Был ль скорым твой путь и приятной ночь, отважный лев?

- Всякий путь скор, когда имеешь такого коня, - ответствовал Конан, потрепав серого Змея по крупу. - Ночь же выдалась приятной, хоть и нелегкой.

- Что так? - спросил Сибарра, бросая на конанова жеребца жадные взгляды.

- Все дело в шакалах, - пояснил Конан. - Воют они с холмов то там, то тут, и воют вранье. Скажем, провыли они, что есть у Бро Итуина наложница, не то коринфянка, не то шемитка, ценой в тридцать ослов... А наложниц таких у старика видимо-невидимо! Как тут разберешь, про которую выли тебе шакалы?

- И ты... - начал Сибарра Клам, высоко поднимая брови.

Но Конан прервал его, сказав:

- И я познакомился со всеми. И с коринфянками, и с шемитками, и с аргосскими, и со стигийками и даже с девушками из страны Куш. Ну, потрудился же я, приятель! Зато ты не скажешь теперь, что я проиграл!

Он упер руки в бока, гордо выпятил грудь и бросил взгляд на прелестную Сиявшую. Она потупила глазки.

- Хмм... - с сомнением протянул хан гизов, омрачившись лицом. - И коринфянки, и шемитки, и аргосские, да еще наложницы из Куша... Это сколько же будет? По одной красотке из каждой страны? Или...

- Или, - сказал Конан. - Двадцать три, если хочешь знать точный счет. Клянусь печенью Крома!

Воины за спиной хана заряжали, и был их смех недоверчивым и обидным. Даже ослы в загоне перестали жевать сено и с насмешкой уставились на киммерийца, или с завистью, если поглядеть с другой стороны. Конан, однако, выглядел невозмутимым, только раз подмигнул Сиявшему.

— Шакалы воют, ветер носит, — ухмыльнулся Сибарра Клам. — Ты, значит, гулял по шатрам стигиек да шемиток, а что же хирши?... И что Бро Иутин, старая задница?

— Бро Иутин, старая задница, шлет тебе послание, — в свою очередь ухмыльнулся Конан и вытащил из-за пазухи свиток. — Читать?

Хан оглядел печати, узнал их и кивнул. Конан откашлялся. В чтении он был не великий мастак, но один из шадизарских чародеев помог ему в свое время овладеть сим искусством, так что разобрать буквы и сложить из них слова киммерийцу все-таки удавалось. Он еще раз откашлялся, развернул пергамент и начал:

“От непобедимого и славного Бро Иутина, отца и владыки черных хиршей, длинноусому шакалу из рода гизов, моче бесноватого козла, коей побрезговал бы сам Нергал.

Привета тебе не посылаю, смрадный навоз, ибо дошло до меня, что ты, безухий осел, движимый завистью и собственным своим скудоумием, побился о заклад с неким пришельцем из северных земель...”

Воины за ханской спиной опять заряжали, черноокая Сиявшая прыснула и уронила поднос, а Сибарра Клам побагровел и вцепился рукой в усы. Правой же он спустя выдернул свиток из пальцев Конана.

— Дай сюда! Такое я сам смогу прочитать!

Он долго водил носом над ровными строчками, изображенными искусственным заморанским писцом, и то краснел, то бледнел, то кусал ус, то в гневе выплевывал его, то скреб живот под халатом, видать, от послания Бро Иутина там здорово чесалось. Наконец хан гизов швырнул свиток на землю, плонул на него, растер сапогом и, не глядя на Конана, буркнул:

— Твоя взяла, приятель! Выбирай! — Он снова плонул, на сей раз в сторону загона с ослами.

Конан оглядел их. Товар, слов нет, был хороший, зубаст и крепок, но хромоногого осла с белой отметиной и потертым крупом киммериец в загоне не обнаружил. О чем тут же и сказал, грозно уставившись на Сибарру Клама и напомнив о своем обещании завязать под коленями ханские усы.

Владыка гизов переменился лицом. Теперь он не краснел и не бледнел, а выглядел так, будто не Конан-киммериец, а слуга грозного Нергала; и явился тот слуга не за хромоногим ослом, а за самой ханской душой. Вороватый взгляд Сибарры метнулся в сторону сарая, и Конан понял, что драгоценный осел спрятан там.

— Зачем тебе старая тварь с разбитыми копытами, сломанной ногой и облезлой шкурой? — сказал хан гизов. — Бери любого из молодых или двести монет золотом!

Конан покачал головой.

— Бро Иутин обещал мне за хромоногого вдвое больше серебра, чем он весит. Или втрое! Ему плевать, что копыта разбиты да шкура облезла... И ноги ему не важны, важно то, что между ними болтается, приятель. В таких делах Бро Иутин понимает! Недаром у него жен и наложниц целый косяк, да и ослиц полно, лишь в ослах недостача! Но это, клянусь Кромом, дело поправимое!

Сибарра Клам сорвал с пальца огромный перстень с сияющим камнем, несокрушимый, как клыки Нергала. Сокровище это везли из Вендии заморанскому владыке, но попало оно

не по назначению. Впрочем, на все воля Митры!

— Вот, бери! — Скривив рот, хан потянул Конану драгоценность. — Бери, и забудь о хромоногом!

Киммериец с презрением покосился на кольцо.

— Ха, побрякушка! Захочу, Бро Иутин даст мне десяток таких! Да еще прибавит что-нибудь... шемитку там или стигийку... Ему твой осел дороже денег и невольниц!

— Еще бы! — Сибарра злобно оскалился и пнул ногой свиток, валявшийся на земле. — Но перстень такой один в мире, клянусь духами предков! Бери его, не пожалеешь! А в придачу бери осла из молодых, ибо шемиток и стигиек у меня нет!

— Сказать по правде, — заметил Конан, — стигийки и шемитки нравятся мне меньше шангарок. Он поглядел на Сиявшую и со вздохом добавил: — Но вот шангарок у Бро Иутина нет. Едкий, видать, тварь! И стоит подороже тридцати ослов! Хотя бы и с потертыми крупами.

Сибарра Кlam поглядел на кольцо, на прелестную Сиявшую, потом на сарай в конце загона и обречено кивнул. Может, он и нарушил бы слово, хоть клялся духами предков и именем светлого Митры, но уж больно длинным был у киммерийца меч... Да и не только меч, судя по тому, что содержалось в свитке Бро Иутина.

И Сибарра Кlam снова кивнул, на сей раз с облегчением.

* * *

Спустя некоторое время Конан ехал на своем сером в яблоках скакуне по безлюдной степи, направляясь к юго-востоку, к горам Ильбарс, к побережью моря Вилайет, к Шангаре, Аграпуру, Хоарезму и другим великим городам славного Турана. Солнце уже садилось, но киммериец рассчитывал проделать немалый путь до темноты, ибо змей, отличавшийся завидной ревностью, мог скакать хоть всю ночь напролет. Однако ночью Конан странствовать не собирался; насчет сегодняшней ночи у него имелись совсем другие планы.

Итак, солнце, светлый глаз Митры, шло на покой, утомленное созерцанием людских грехов, а на степные курганы вылезли шакалы, пронырливые бестии. Вылезли и завыли по своему обычаю, передавая все, что удалось им подсмотреть утром, и днем, и сейчас, когда вечерняя заря расплескалась ярким багрянцем по синеющим небесам. Выли они о том, что мчится в широкой степи всадник на сером коне, и конь у него хороший, а сам всадник тоже неплох, с мечом длиной в четыре локтя и ростом в целых шесть. Еще выли про девушку, что сидела позади всадника: мол, и на нее стоит поглядеть, ибо луноликая Иштар одарила ее щедрыми дарами, кои радуют взор мужчин и достаются не всякой женщине. И еще выли шакалы про сверкающий радугой перстень на девичьей руке, про ослов и кочевников, про купцов и верблюдов, про караваны, что бредут степными дорогами, и про грабителей, что поджидают их, прячась за холмами. А на последок провыли они, что воровское племя вскоре пополнится, к несчастью мирных путников да богатых караванщиков; и взрастут среди хиршей, пришельцев из далекой Стигии, широкоплечие молодцы с синими глазами и разбойничьей киммерийской кровью в жилах. Покоя же от них и спасения не будет никому.

Впрочем, и на то воля Митры!